

ОТЗЫВ

официального оппонента

на рукопись и автореферат диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Рыбина Евгения Павладьевича

«Региональная вариабельность каменных индустрий начала верхнего палеолита в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии»

Специальность 07.00.06–археология

Автор представленной к защите работы давно известен в профессиональной среде. На протяжении длительного времени он активно участвовал в изучении палеолита Алтая, Приангарья, Сынцзяна. Особое значение имеют многолетние раскопки Е. П. Рыбина на севере Монголии. Результаты успешных изысканий нашли отражение в десятках статей, в том числе опубликованных в ведущих мировых рецензируемых журналах, а также представлялись на большой серии российских и международных конференций и конгрессов.

Актуальность выбранной Е. П. Рыбиным темы не вызывает сомнения. Появление на свет работы подобного рода, нацеленной на масштабное сопоставление индустрий ранней поры верхнего палеолита в Северной и Центральной Азии, давно назрело. В результате чрезвычайно активных полевых исследований последнего времени, проведенных новосибирскими археологами в Восточном Казахстане, на Алтае и в Монголии, открыт и исследован ряд ранних верхнепалеолитических объектов, позволяющих существенно расширить ареал местонахождений данной эпохи. В частности, большие материалы получены на многослойных стоянках Северной Монголии, в бассейне р. Селенги. Открытие Ушбулака в Восточном Казахстане раздвинуло в западном направлении круг распространения индустрий, сходных с Кара-Бомом. Появляются сведения о палеолите ранее практически не изученной Джунгарии. Встает задача корреляции сведений, полученных по новым памятникам, с известными и давно вошедшими в науку материалами. Кроме того, появление новых серий радиоуглеродных датировок заставляет пересмотреть возраст ряда комплексов палеолита Приангарья и Забайкалья.

Научная значимость работы определяется ключевым значением перехода к верхнему палеолиту для ранней истории человечества, связанным с распространением человека современного физического типа.

Во введении к работе Е. П. Рыбин дает определение понятию «начальный верхний палеолит», определяет цели и задачи исследования. Автор подчеркивает, что в своей работе

он будет опираться, прежде всего, на технологические характеристики каменной индустрии и выделенные им руководящие типы изделий. Заметим, что ориентировка на идентификацию и картирование специфических форм орудий вновь становится характерна для современного палеолитоведения.

Обширная первая глава диссертации содержит изложение основного фактического материала, задействованного в работе, по регионам. Описание начинается с памятников Монголии. Автор последовательно представляет данные по таким стоянкам как Цаган-Агуй, Чихэн-Агуй, Чихэн 2, Орхон 1 и 7, Толбор 16, Харганын-Гол, характеризует сборы на местонахождениях Орок-Нур 1 и 2. Наибольший интерес представляют авторские материалы раскопок на стоянках Мойльтын Ам, Толбор 4 и 21. Далее следует описание стоянок Забайкалья (Подзвонкая, Барун-Алан 1, Варварина Гора, Каменка, Хотык, Толбага).

Переходя к памятникам Приангарья, Е. П. Рыбин привлекает материалы серии стоянок, изученных А. В. Волокитиным на берегах Братского водохранилища, и отнесенных к ранней поре верхнего палеолита (Курчатовский Залив, Леонова 1 и 3, Кежда 1, Мыс Дунайский 3, Левобережный Калтук). Следует учесть, что местонахождения на берегах водохранилищ ущербны, поскольку нет гарантии однозначной связи собираемых на пляже артефактов с вскрываемыми в обрывах культурными слоями. Совершенно неясен смысл привлечения материалов из смешанного памятника Усть-Чиркуо 1 в Якутии. Почему тогда не упомянута стоянка Непа на Нижней Тунгуске, основной культурный слой которой был отнесен авторами раскопок (О. В. Задониным и М. Ю. Семиным) к ранней поре верхнего палеолита? Как мне представляется, Е. П. Рыбину не стоило расширять список задействованных памятников за счет местонаждений с неясной хронологической привязкой; для решения основных задач диссертационной работы материалов стоянок Монголии, Алтая и Забайкалья вполне достаточно.

Автор переходит к палеолиту слабо изученных территорий Восточного Казахстана (слои 6 и 7 стоянки Ушбулак) и Синьцзяна (сборы на местонахождении Лотоши и пещера Тунтяндун). Наконец, важнейшее место в изложении занимают материалы опорных памятников Алтая. Е. П. Рыбин характеризует индустрию различных стратиграфических подразделений слоя 11 в Центральном зале и Восточной галерее Денисовой пещеры, слоев СП2, ВП2 и ВП1 Кара-Бома, находки из Малояломанской пещеры, стоянок Кара-Тенеш и Усть-Каракол 1.

Во второй главе диссертации Е. П. Рыбин останавливается на вопросах культурной дифференциации комплексов финала среднего и раннего верхнего палеолита. Опорой для построения периодизации начального верхнего палеолита стали памятники Монголии. Так,

материалы 5-6 горизонтов стоянки Толбор 4 и 7 горизонта стоянки Толбор 16 служат основой для выделения начальной фазы верхнего палеолита, а дальнейшее развития индустрии рисуют комплексы слоев 5 и 4 стоянки Толбор 21. Наконец, финальный этап начального верхнего палеолита региона представлен индустрией 3 слоя стоянки Цаган-Агуй.

Далее Е. П. Рыбин переходит к материалам Забайкалья, указывая на нечеткость стратиграфического контекста памятников, относимых к раннему верхнему палеолиту, рассматривая вопрос о возможном смещении материалов на ряде стоянок (Подзвонкая, Барун-Алан 1), отмечая путаницу в опубликованных радиоуглеродных датировках (Каменка А).

Огромный разброс датировок по Толбаге (от 45 до 26 тыс. лет) неудивителен. Мы имеем дело с памятником с мощным и частично переотложенным на склоне культурным слоем, вероятно отражающим ряд эпизодов обитания. К сожалению, проведенные здесь раскопки с расчисткой слоя на широкой площади без микростратиграфического контроля не позволили провести членение материала и опознать разновременные объекты культурного слоя. Разумеется, это не вина исследователей памятника, применивших господствовавшие в то время приемы вскрытия палеолитических стоянок открытого типа.

Дальнейший этап развития забайкальского палеолита рисуют материалы 3 слоя Куналея, Каменки Б и Приисковой. Возраст и характер стоянки Приисковая во многом загадочны. Культуросодержащий слой со значительным разбросом находок по вертикали связан с палеопочвой каргинского времени, но к какому отрезку сложно построенного каргинского века отнести отложения, так и остается неясным. Индустрия носит в основном мустьерский облик, однако имеется серия долотовидных орудий, что не свойственно среднепалеолитическим комплексам, где подобные формы единичны. Кстати, в коллекции присутствует поздняя примесь (наконечник стрелы, карандашевидный нуклеус, микропластинки). Имеющиеся радиоуглеродные датировки помещают памятник в среднюю пору верхнего палеолита (27-26 тыс. лет). В этой связи забайкальские стоянки вызывают в памяти материалы основного культурного слоя стоянки Куртак 4 на Среднем Енисее, где архаичная по облику каменная индустрия сочетается с великолепно развитой обработкой бивня. Возможно, эти памятники рисуют нам какую-то неясно прослеживаемую пока линию развития сибирского палеолита, сосуществующую во время средней поры данной эпохи с великолепными пластинчатыми индустриями.

Переходя к памятникам Прибайкалья, автор справедливо отмечает неоднородный характер находок из Макарово 4, как с точки зрения состояния поверхности артефактов, так и морфологически. Общий вывод Е. П. Рыбина о вероятно смешанном характере

переотложенных находок и несостоятельности концепции обширного «макаровского пласта», отвечающего времени конца среднего-начала верхнего палеолита в Сибири, представляется обоснованным. Материалы Приангарья рисуют сосуществование пластинчатых верхнепалеолитических индустрий (стоянка Арембовского, стоянка Аксенова) с отщеповыми (Мамоны 2, Герасимова 1 и др.).

Если памятники Джунгарии (Лотоши, пещера Тунтяндун) относятся к финалу среднего палеолита, то в Восточном Казахстане ранний верхний палеолит, чрезвычайно сходный с комплексом ВП2 Кара-Бома, зафиксирован в слоях 6 и 7 стоянки Ушбулак. На Алтае средний палеолит, представленный чагырским и кара-бомовским вариантами, сменяются начальным верхним палеолитом, представленным (помимо Денисовой пещеры) на Кара-Боме, в Усть-Караколе 1 (раскоп 1), Кара-Тенеше и Малояломанской пещере.

Важное место в работе занимает третья глава, посвященная хронологической позиции индустрий. Хронология начального верхнего палеолита выглядит следующим образом. На Алтае комплекс ВП2 Кара-Бома датирован в отрезке от 49 до 44 тыс. лет, остальные памятники существенно моложе (40-34 тыс. лет). В Монголии древнейший верхний палеолит в колонках стоянок Толбор 4, 16 и 21, начинается с интервала 45-42 тыс. лет. В Забайкалье самым ранним комплексом остается Каменка А (45-41 тыс. лет), однако четкость стратиграфической позиции оставляет желать лучшего. На территории Прибайкалья древнейший верхнепалеолитический комплекс стоянки Щапова 1 датирован от 46 до 42 тыс. лет, другие стоянки в регионе значительно моложе. В Казахстане получена датировка для слоя 7 стоянки Ушбулак порядка 46 тыс. лет.

В четвертой главе Е. П. Рыбин анализирует место индустрий Сибири и восточной части Центральной Азии в широком контексте азиатского палеолита (Китай, Средняя Азия, Ближний и Средний Восток), привлекая также материалы Европы (Бачо Киро, Богунице). Отметим, что рассмотрение таких памятников как Бокер-Тахтит и Шуйдунгоу основывается на авторском анализе коллекций. Согласно Е. П. Рыбину, стоянки Шуйдунгоу 1 и 2 рисуют картину распространения начального верхнего палеолита южносибирско-центральноазиатского типа в Северном Китае. Автор приходит к принципиально важному выводу о примерно одновременном появлении верхнего палеолита в Леванте и на Алтае, что исключает распространенную ранее миграционную версию генезиса алтайского верхнего палеолита.

Наконец, в заключении автор кратко формулирует основные выводы проделанной работы. По мнению Е. П. Рыбина, древнейшие проявления верхнего палеолита (около 60 тыс. лет) связаны на Алтае с индустрией слоя 11.2 в Восточной галерее Денисовой пещеры («денисовский вариант»). Ко времени, начиная от 49-45 тыс. лет, относятся комплексы типа

слоя ВП2 Кара-Бома («карабомовский вариант»), представляющие собой пласт начального верхнего палеолита, простирающегося от Центральной Европы до Северного Китая. Подобные индустрии, сменяющие леваллуа-мустье, распространялись по полосе гор и предгорий от Алтая в восточном направлении, охватывая Южную Сибирь, Монголию и Китай. Наконец, период 36-30 тыс. лет отмечен развитием индустрий заключительной поры начального верхнего палеолита, на смену которым приходит ранний верхний палеолит. В качестве примера последнего на Алтае приводятся индустрии Усть-Каракола 1 («усть-каракольский вариант»).

Важной частью диссертации является объемный альбом иллюстративного материала и статистические таблицы. Помимо большой серии графических иллюстраций, полно характеризующих стратиграфию памятников и описываемые в тексте каменные индустрии, работу завершает карта распространения начального верхнего палеолита с указанием датировок индустрий и типичных форм орудий. Карту дополняет хронологическая таблица.

Одним из дискуссионных моментов в представленной работе, на мой взгляд, является различие «начального» и «раннего» верхнего палеолита. Напомним, что термин «начальный верхний палеолит» был предложен в европейской археологии для обозначения группы до-ориньякских верхнепалеолитических индустрий (улуццо, шательперрон, ранис-линкомбьен, селет, богунице и др.). Сам термин имеет чисто условное хронологическое значение, поскольку ничего общего между собой эти разнородные комплексы не имеют (лучшим примером может служить сосуществование спицынской и стрелецкой культур в Костенках). В Европе данные индустрии почти повсеместно сменяются памятниками ориньякского пласта, обозначаемого уже как «ранний верхний палеолит».

По-иному выглядит ситуация в Северной и Центральной Азии, где границы «начального» и «раннего» верхнего палеолита размыты. По мнению Е. П. Рыбина, хронологический рубеж начального и раннего верхнего палеолита лежит в пределах 33-30 тыс. лет. В то же время автор прибегает к материалам памятников, хронологическая позиция которых явно выходит за рамки заданного интервала (Чихэн-Агуй, слой 3, стоянка Арембовского, Барун-Алан 1, Куналей, Приисковая, Колпаков Ручей).

Если говорить об ориньяке, то в данном контексте можно рассматривать лишь материалы из слоев 8-11 стоянки Усть-Каракол 1, где имеются основные типологические элементы ориньяка (скребки карене, скребки с носиком, скребки на ретушированных пластинах, ретушированные пластины, в том числе с вогнутыми продольными краями, резцы и др.). Отметим, что представленные в этих комплексах предметы, классифицируемые обычно в сибирской археологии как клиновидные и торцовые микронуклеусы, в Западной Европе рассматриваются как многофасеточные резцы.

Упомянем также мелкие недоработки и ошибки, которых, заметим, в диссертации такого объема насчитывается на редкость мало. В тексте есть странно звучащие по-русски англицизмы типа «обирахматиан» и «кульбулакиан»; лучше было бы писать о кульбулакской или обирахматской индустрии. Вряд ли удачны термины «подобъемные нуклеусы» и «реализация нуклеуса» (то есть его использование). На рис. 42 изображены находки из стоянки Толбор 16, а не Толбор 4, как сказано в подписи. Нет подписей к рис. 85 и 86 (стоянка Лотоши). На с. 184 упоминаются некие загадочные «срезы», но ни словесного определения, ни рисунков этой ранее не известной формы орудий нет. В списке литературы отсутствует упоминаемая на с. 224 статья, посвященная материалам стоянки Толбага (Васильев, Рыбин, 2009).

Диссертация Е. П. Рыбина подводит итоги кропотливой работы автора на протяжении нескольких десятилетий. Выводы диссертации основаны на богатом опыте изучения многочисленных коллекций каменного инвентаря, происходящих из памятников Сибири, Средней Азии, Монголии, Китая, Ближнего Востока и Европы.

К числу положительных сторон работы относится ее фундаментальность, глубина проработки материала, большой хронологический и пространственный охват. Автор нацелен на поиск широких закономерностей культурного развития, установление межрегиональных связей, что выгодно отличает диссертацию Е. П. Рыбина от очерков, посвященных региональным данным без учета дальних аналогий, буквально «пронизывающих» весь мир южно-сибирского палеолита от Алтая до Забайкалья. В диссертации впервые представлена сложная картина смены культурных комплексов в огромном по площади ареале на протяжении ранней поры верхнего палеолита. В этом заключается выдающееся научное значение проделанной работы, выводы которой без сомнения будут использованы при написании обобщающих трудов по палеолиту Евразии, разработке лекционных курсов и учебных пособий.

Новизна представленной диссертации заключается также во введении в научный оборот большого числа данных по хронологии палеолита Забайкалья, авторских материалов по стоянкам севера Монголии. Особо отметим предпринятый Е. П. Рыбиным детально аргументированный пересмотр понятия «макаровского пласта» и оценку места данных памятников в контексте палеолита Сибири.

Автореферат диссертации полно отражает основное содержание и структуру рецензируемой работы.

Диссертация Рыбина Евгения Павладьевича, представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06 археология, является оригинальным научным исследованием, полностью соответствующим по своему содержанию и научной значимости всем критериям паспорта специальности 07.00.06 – археология, исторические науки, и требованиям, установленным п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемым к докторским диссертациям. Автор диссертации заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

Васильев Сергей Александрович

30 ноября 2020 г.

Научный руководитель, заведующий Отделом палеолита
Доктор исторических наук, специальность 07.00.06 - археология
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт истории материальной культуры РАН»
Почтовый адрес: 191186 Россия. С.-Петербург, Дворцовая наб., 18

Телефон: +7 (812) 571-50-92

Факс: +7 (812) 571-62-71

WWW: <http://www.archeo.ru>

E-mail: admin@archeo.ru

